

Содержание

Вместо предисловия. <i>Отзывы читателей</i> <i>о книгах автора</i>	12
---	----

Обретшие рай

Пчелка	12
Оправдание Вероники	22
Йоханссон	38
Старик	45
Мечтатели	53

Потерявшие рай

Странник	61
Когда-нибудь я стану кошкой.....	74
Один день из жизни «немолодого» человека	84
Дискотека 80-х	91
Иудин грех.....	104
Точки пересечения.....	113
Аксиома.....	120
Я – инопланетянин	131

Се Человек

Главное – успеть.....	144
История первая	145
История вторая	147
История третья	150
История четвертая.....	155

Головоломка.....	158
Носовой платок.....	162
Гонки по вертикали.....	179
Третьего не дано.....	188
Дисциплинарная комиссия.....	190
Шестое чувство.....	197

Оборачиваясь назад

Олимпийские игры в Мехико.....	212
Одноклассники.....	221
Целуй меня, целуй меня крепче.....	231
Поездка в Севастополь.....	239
Большой человек.....	250

Хроники времен ковида-19

Поколение ЗОЖ.....	265
Утешение.....	270
Таксист.....	273
Сказка про Курочку Рябу.....	279
На требах.....	287
Экзамен.....	294
Предчувствие.....	299
Точка зрения.....	307

Сочинение на тему «Как я провел лето», или «Молитва Экзюпери»

От автора.....	310
Молитва Экзюпери.....	313
У окна.....	320
Про любовь.....	326
Крещение младенцев.....	332
День рождения.....	340
Это поёт ребенок.....	344
Бумеранг.....	354

Мечта	357
Время	363
Икона святителя Спиридона Тримифунтского	368
Престольный праздник	378
Про скупость и про жадность	388
Совесьть.....	391
Квест	394

Эпилог	401
--------------	-----

Священник Константин Камышанов

Патерик священника Александра Дьяченко.....	403
---	-----

Вместо предисловия

*Отзывы читателей
о книгах автора*

Отец Александр Дьяченко пишет всегда с такой любовью и добротой к людям, читать приятно, словно пообщался с хорошим другом. Какую бы книгу ни взяла — все одинаково хороши. После прочтения остается доброе послевкусие.

Инна Иванова

Многие утверждают, что жизнь — штука сложная и тяжелая. Трудно с этим спорить. В жизни порой всё очень безрадостно и мрачно. Несмотря на это, священник Александр Дьяченко умеет видеть в трудных, порой запутанных, ситуациях лучики света и надежды. Его проза легкая, как дыхание весны. Удивительные, добрые рассказы о прихожанах храма, в котором служит батюшка, пронизаны юмором и любовью к людям. Берешь в руки книгу, начинаешь читать, и постепенно уходят все печали и тревоги. Ты понимаешь, что всё непременно будет хорошо. Иначе и быть не может.

Марина Алексеева

Чтение напомнило мне «Несвятые Святые» — яркие люди, интересные истории и размышления. И во всем этом какая-то удивительная любовь, сочувствие автора к своим героям.

Сергей Гаврилов

Симпатичны зарисовки о. Александра своей откровенностью, готовностью посмеяться над собой, умением признать неудачу (такое случается нередко), отсутствием морализаторства и нравоучений. Это просто хорошая литература, про людей, какие они есть, про веру и неверие, про чудеса и неготовность признать и принять их. Наверное, поэтому такие книги и переиздают.

SPL

Светлые проникновенные добрые рассказы! Когда я читаю книги Александра Дьяченко, в моей душе наступает покой и умиротворение. Из всех прочитанных мною духовных книг в таком восторге я только от книг этого автора. Рекомендую всем!

Якорхина Нина

После прочтения этого автора я понял, что мне с ним серьезно по пути. Уж очень отзываются мысли и отношение к жизни, готовность, желание и способность видеть дальше границ обряда и суеверных догм, которые зачастую к христианству не имеют никакого отношения. Чтение этих книг стало для меня возможностью разговора на важные, трогательные и сложные темы. Разговора, от которого не хочется отказываться...

P.S. Каково же было мое удивление, когда в какой-то момент, сидя на кухне и читая книгу, я понял, что автор ее — настоятель того самого храма с. Ивановское, в который мы заходили буквально месяц назад, осматривая культурные достопримечательности Владимирской области! Вот так вот, я был совсем рядом с человеком, книги которого стали важной частью моей жизни, и не узнал его!

VladAS

Господи, я прошу не о чудесах
и не о миражах, а о силе каждого дня.
Научи меня искусству маленьких шагов.

Из Молитвы

Антуана де Сент-Экзюпери

Обретшие рай

Пчелка

— Я любила своего мужа, — признается Регина, наша прихожанка; в крещении она Маргарита.

Мы с Региной знаем друг друга уже много-много лет, а познакомились еще до моего прихода в церковь. Она же воспитывалась в вере с самого детства.

— Вместе с мужем мы растили двух сыновей. Когда младшему исполнилось три года и он пошел в детский сад, я решила, что пора и мне возвращаться на работу, благо, место за мной сохранялось.

Со всеми обо всем договорилась, завтра мой первый после декрета рабочий день, и вдруг я понимаю, что снова беременна. Как же это было не вовремя. Представила: снова ходить с животом — я тяжело переносила беременность, частые интоксикации, потом рожать. Младенец требует к себе постоянного внимания, а у меня еще двое малышей, старший из которых только должен был пойти в первый класс. Муж постоянно на работе. Родители далеко. Мама и так от нас два года практически не выбиралась. Отец всё это время жил один, вида не показывал, но я понимала, что и ему надоело его вынужденное одиночество. Как они отнесутся к появлению на свет очередного внука или внучки? Да понятно, как. Все будут недовольны.

Решила посоветоваться со своей лучшей подругой Анной, та работала медсестрой у нас в поликлинике. «Аня, проблема, что делать? Ума не приложу». — «Нашла о чем беспокоиться! Тоже мне

проблема. Я с Михаилом Васильевичем, нашим гинекологом, поговорю, и решим мы твою проблему».

Уже через несколько дней я входила в женскую палату хирургического отделения. Мне предстояло переночевать, а утром отправиться на аборт.

«Михаил Васильевич меня как специалиста уважает, — откровенничала словоохотливая Анна. — Собирался в отгулы. Друзья к нему должны были приехать. Рыбалка там, шашлыки. А я за тебя попросила, сказала, срочно надо, на работу человеку выходить. И так двое мальчишек на шее. Мол, войдите в положение. Что ты думаешь, доктор сразу созвонился с друзьями и по моей просьбе перенес дни отгулов. Так что учти, подруга, операцию тебе делаем по моей протекции», — улыбнулась Анечка.

На аборт я решилась, а у самой на душе муторно. У меня же все предки верующие, в церковь ходили. Иконы на кухне висят, еще от бабушки достались. Иногда встану вот так вечером, перекрещусь на них и что-нибудь попрошу. Молитв я особо не знала, но «Отче наш...» и «Богородице Дево, радуйся...» помнила с самого детства. И тот факт, что аборт — это грех, понимала отчетливо. Потому и душа у меня болела. Если бы не обстоятельства, ни за что бы не согласилась.

Накануне операции уже поздно вечером наконец уснула и вижу сон. Будто идем мы по берегу вдоль реки с маленькой девочкой лет шести, может, чуть больше. Она держит меня за руку. Иногда поднимает головку вверх и смотрит мне в глаза. Будто ждет от меня чего-то. Потом опускает глазки вниз, и мы идем дальше.

Наконец дошли мы с ней до какого-то места на берегу и остановились. Девочка отпустила мою руку. Снова молча посмотрела мне в глаза. Потом повернулась лицом к реке и пошла ножками прямо по воде,

будто она совсем ничего не весит. Перешла на тот берег. Встала и смотрит на меня. Вижу, машет рукой и что-то такое мне говорит, но я никак не разберу. Но понимаю, что говорит она это с любовью.

Проснулась в слезах. Сердце колотится. Девочка будет. Не пойду на аборт. Встала, оделась и принялась собирать сумку. Уже уходить, но не успела. В палату, будто предчувствуя, что я попытаюсь сбежать, проскользнула моя Анечка: «Ты что это удумала?! Сбежать хочешь? Михаил Васильевич уже приехал и ждет. Он ради тебя от шашлыков отказался. Навстречу тебе пошел, а ты такого человека подводишь! Меня подводишь! Даже и не думай. Марш за мной».

Схватила меня за руку и тащит. И я точно загипнотизированная покорно поплелась за ней в кабинет гинеколога.

Не родилась моя девочка. До сих пор вспоминаю ее темненькие волосики, собранные сзади в хвостик, и голубые глазки. Успокаивала себя, мол, у меня двое мальчиков. Придет время, вырастут, женятся. Внуков мне нарожают и обязательно внучку. Очень надеялась.

В четырнадцать лет от роду заболел мой младший сыночек. Заболел тяжело и, проболев год, умер. Его смерть и похороны вспоминаются, как будто всё это происходило во сне и не со мной.

Старший — тот уже учился в институте на первом курсе — отправился с приятелями на вечеринку и пропал. Никто из ребят не мог вспомнить, в какой момент это случилось и куда он подевался. Это известие я приняла почему-то на удивление спокойно. Уже не мальчик, человек взрослый, в глупостях особо не замечен. Ладно, ночь погуляет, а утром вернется домой. А утром его тело обнаружили в двадцати километрах

от дома. Я была на работе. Мне позвонили из милиции и пригласили на опознание. Дело уголовное завели, но убийц не нашли. Остались мы с мужем вдвоем. А теперь я доживаю век уже одна и всё думаю о своей неродившейся девочке.

На днях встречаю Анну и говорю ей: «Ты виновата! Если бы ты не остановила меня в то злополучное утро, жила бы я сейчас со своей дочечкой в окружении собственных внуков. А ты: „Михаил Васильевич отгул перенес! Михаил Васильевич от шашлыков отказался“!»

Анна меня слушает, а чувствую, что сама она на грани, вот-вот заплачет: «Что же ты мне душу рвешь, а, Регина? Дура ты, хоть в крещении и Маргарита. Зачем ты меня тогда послушалась? Зачем?! У тебя что, собственных мозгов нет? Бегом за мною бежала. Шашлыки. Да пропади они пропадом, эти шашлыки! А Михаилу Васильевичу пойду и скажу, что всё, в абортах я больше не участвую».

С того нашего разговора с Региной прошло несколько лет. После литургии выхожу из алтаря и слышу:

— Батюшка, простите, что отвлекаю, — вежливо, но настойчиво обращается ко мне взрослый мужчина, на вид лет шестидесяти, — я бы хотел принять крещение. Как это можно реально сделать?

— Хотите креститься? Очень хорошо, а как ваше святое имя?

— Вы имеете в виду, как меня зовут? Понятно. Меня зовут Михаил Васильевич, я врач-гинеколог с тридцатилетним стажем.

Нужно сказать, что Михаила Васильевича я знал уже много лет, но знаком с ним не был, встречаясь, мы не здоровались. Среди врачей людей, верующих в Бога, очень мало. Потому сам факт, что врач решает

креститься, для меня факт выдающийся. Тем более, если об этом говорит человек, чье желание присоединиться к церкви подразумевает кардинальный пересмотр его прежних нравственных установок. Хочешь ты этого или нет, но возникает вопрос, что же такое случилось с этим уже пожилым доктором, что заставило его столь принципиально пересмотреть собственные взгляды?

— Михаил Васильевич, можно поинтересоваться, почему вы решили креститься? Возраст у вас уже почтенный, а вы вот только сейчас озаботились этой проблемой.

— Всю свою жизнь я работаю гинекологом. Работа у меня, как у любого врача, нелегкая. Но множество плюсов от моей положительной деятельности перечеркнуто тем, что мы у себя в больнице проводили искусственное прерывание беременности, то есть все эти годы я делал аборт. И только теперь я осознал, что аборт есть не что иное, как разрешенное убийство. К этому выводу я шел многие годы и рад тому, что в конце концов эта мысль привела меня в храм.

— Это возраст, Михаил Васильевич? Накопленная мудрость? Или какое-то событие в вашей жизни заставило вас так думать?

— Скорее, всё вместе. Понятно, что жизненный опыт рано или поздно ставит перед человеком вопрос о смысле прожитой жизни. Но порой случаются события, значимые и одновременно не объяснимые никакой человеческой логикой. Они берут и разворачивают поток твоих мыслей совсем в иное русло.

Всю свою жизнь помогал женщинам стать счастливыми мамами. А параллельно с этим убивал детей, считая, что так можно, если эти дети не нужны даже собственным несостоявшимся родителям. И думал

так до тех пор, пока уже моя единственная дочка не вышла замуж.

Вспоминалась свадьба, веселое застолье и пожелания молодым поскорее стать родителями, а нам с женой, соответственно, счастливыми бабушкой и бабушкой. Я радовался в предвкушении этого события, но время шло, а дочь не беременела. Думали, может, молодые хотят, как это часто бывает, сперва пожить для себя, а потом уже и дитя рожать. Разговариваю с дочерью. Признается: «Папа, мы хотим, но не получается».

Тогда мне пришлось, что говорится, брать инициативу в собственные руки. Начали мы с ними ездить по медицинским светилам. Все-таки, когда столько лет в специальности, невольно обрастаешь знакомствами. К одному съездили показались, к другому. Пять лет ездили. Ничего не выездили. У нее и у него всё в норме. Показатели во всех отношениях — хоть в космос посылай, а дите не приходит.

Поменяли они место жительства, уехали от нас в Питер. Думаем, ну пускай. Может, им самостоятельности не хватает. Год они живут на новом месте. Следующий. Ничего не получается.

Однажды звонит мне дочка и сообщает, что собираются они с мужем к нам в гости. Мы с матерью обрадовались. Они приезжают. Смотрю, а у дочери вот здесь на цепочке висит маленький золотой крестик. Раньше она крестик никогда не носила, а теперь надела. Подумал — бедная девочка, совсем отчаялась, раз в церковь пошла. Ведь церковь — это что? Это только тогда, когда совсем опускаются руки. Смотрю — нет, глаза веселые безо всякой грусти. Сообщают: «Завтра мы планируем вдвоем отправиться в Москву к мощам блаженной Матроны. Будем просить о нашей проблеме. А послезавтра, уже с друзьями, едем несколькими

машинами на Гремячий ключ к источнику преподобного Сергия Радонежского». — «А это зачем?» — «Как зачем? Будем окунаться в святой источник и все вместе молиться о нашем ребеночке. Раз земные врачи нам не помогают, будем обращаться к врачам небесным. Кстати, если хотите, присоединяйтесь с мамой к нашей компании».

Мы с женой подумали и решили не отказываться. Приезжаем на этот самый Гремячий ключ, а проехать там по дороге к источнику можно лишь до определенного места. Потом бросаешь машину и идешь пешком. Идем, пылища — ужас. Почва вокруг исключительно глина, сплошь изрытая глубокими колеями от автомобильных колес. Чуть дождь — и вообще не проехать.

Молодежь смеется. Я тоже иду, улыбаюсь, а у самого на душе кошки скребут. Бедный мой ребенок.

Наконец добрались до источника. Народу вокруг полным-полно. Все, кто подходят, раздеваются и с головой окунаются в воду. Я ее рукой попробовал, ледяная. Смотрю, мои спутники раздеваются и один за другим становятся в очередь. А потом — в купальню. В воде визжат от холода, крестятся и с головой туда же.

Потом все в полотенцах сбились в кучку, стоят, обтираются и смеются. Благо лето и на улице температура под тридцать. Думаю, сейчас обсохнут, переоденутся, может, это безумие обойдется без видимых последствий. Размышляю так и вижу — летит пчела. Медленно так летит, зависла рядом с молодыми людьми и будто прислушивается, о чем они между собой смеются. Их всех вместе с друзьями было восемь человек.

Затем, представляете, батюшка, пчела подлетает конкретно к моей дочери и садится ей на лицо возле самого рта. Та растерялась, не зная, что делать. И все растерялись, а пчела берет и жалит ее прямо

в нижнюю губу. Тут же аллергическая реакция, губа отвисла до подбородка, кошмар, короче.

Возвращаясь, вел машину в преотвратительном настроении. Жалел свою дочь и на чем свет ругал все эти зловредные глупости с чудотворными источниками, святыми иконами и церковь с попами, которые разумных людей норовят превратить в идиотов. Короче, пока ехали, всем досталось.

В эту ночь после купания в источнике моя дочь понесла. Дитя отозвалось.

Это я потом высчитал. И сколько бы раз ни пересчитывал, все мои вычисления неизменно возвращались к той самой пчеле. Я хотел ошибиться, но гинекологу с более чем тридцатилетним стажем себя самого обмануть не получилось. В положенное время родилась наша внучка. Для нас с бабушкой это самый замечательный на свете ребенок. А спустя неделю заходит в кабинет Анна, это медсестра, моя многолетняя помощница, а на самой лица нет. И заявляет, что больше не будет участвовать в операциях по искусственному прерыванию беременности, то есть делать вместе со мной аборт. И обосновывает тем, что уверовала в Бога. Несколько дней я размышлял над ее словами, тем более после всех этих событий, и твердо решил, что всё, больше я не убью ни одного ребенка.

Главврач всё удивлялся, как это: я — и вдруг поверил в Бога. Он мне так и сказал: «Где ты и где Бог?! Ты всю жизнь был ярим атеистом. Как случилось, что ты поверил?» — «А я не поверил, я убедился, что Он есть». — «Что ж, тогда отправляйся к попу и скажи ему, чтобы он тебя покрестил».

— Чтобы покрестил... — в задумчивости повторил Михаил Васильевич слова главного врача. — Увы, не всё так просто. Крещение еще надо заслужить.

Батюшка, шесть лет я собирался с духом. Считал, что после всего, что я как врач натворил, просто недостойн креститься. Несколько раз порывался, а сегодня наконец-то дошел.

Несколько дней спустя я крестил Михаила Васильевича и с тех пор иногда вижу его на службах у нас в храме.

— Батюшка, нужна ваша помощь.

Это снова наша Регина.

— Анна, моя подруга, я вам о ней рассказывала, давно уже, лет пять или шесть тому назад. Так вот, болеет она очень и хочет покаяться.

Год уже как не ходит и практически не встает с постели. Молодые ей внука подкинули, нужно им было куда-то по делам. Мальчонка шустрый, бабка за ним не уследила. Где-то набедокурил. Анна резко к нему повернулась, и что-то у нее там в позвоночнике щелкнуло. Ее уже и в область и даже в Москву возили. Все думают, как операцию делать. Через месяц обещают выделить квоту и будут восстанавливать.

Анна батюшку перед операцией пригласить хочет. Покаяться хочет и причаститься. Она еще до своей болезни в храм начала ходить. Не к нам, в монастырь ездила. Бывало, и причащалась, а об убитых детках не каялась. Не могла через себя переступить, боялась, священник ее за это из храма выгонит.

Мы договорились с Региной, что я приду к Анне через неделю. Но той потребовалось ехать сдавать дополнительные анализы, так что встретились мы с ней всего за несколько дней до ее госпитализации.

Несмотря на болезнь, Анна выглядела бодро и была полна оптимизма. Она уже видела себя в больничной палате и готовилась к предстоящей операции. Анализы настраивали на благополучный исход. Анна

настолько была уверена, что всё у нее будет хорошо, что уже вовсю строила планы на предстоящее лето.

Наконец она смогла покаяться в самом страшном грехе своей жизни. Искренне и со слезами. Я соборовал ее и причастил. А неделю спустя мне позвонил ее сын и сообщил, что Анна умерла.

— Еще вечером она прекрасно себя чувствовала. На следующий день мы собирались ехать в Москву, ложиться в специализированную клинику. Утром сиделка заходит к ней в комнату, а она лежит мертвая.

Анну я отпевал в храме. Регина и Михаил Васильевич во время отпевания стояли рядом.

В этом году на Антипасху смотрю — Михаил Васильевич ведет на причастие девочку. Я догадался, что это и есть его внучка. Потом они подходят к кресту, и Михаил Васильевич просит:

— Благословите нас, отец Александр, в этом году мы поступаем в первый класс.

Я благословляю ребенка и спрашиваю ее:

— Что дедушка говорит, на кого ты больше похожа, на папу или на маму?

Девочка смущается:

— Дедушка шутит, что не на папу и не на маму. Но больше всего я похожа на пчелку! Он меня так и называет — «моя пчелка».

Мы с ним переглянулись. Прощаемся. Дедушка с внучкой направляются на выход, зато подлетает взволнованная Регина:

— Батюшка, это что, внучка Михаила Васильевича?!

— Да, его красавица.

— Отец Александр, это она! — громко шепчет мне Регина. — Та самая девочка из моего сна, того самого, перед абортom! Темные волосики, собранные сзади в хвостик, и голубые глазки. Я эти глазки ни с какими

другими не спутаю! У меня сердце колотится, выскочит сейчас! Что мне делать, батюшка?!

— Не знаешь, что делать? Беги за ней и, как тогда в твоём сне, возьми ее за руку!

Регина поспешила вслед за выходящим из храма Михаилом Васильевичем с внучкой, и вскоре я уже видел в окно всех их троих. Михаил Васильевич, активно жестикулируя, о чем-то рассказывал, а в это время Регина и девочка, взявшись за руки, шли по пыльной деревенской дороге и, никого не замечая, смотрели друг другу в глаза.

Оправдание Вероники

Этот рассказ я бы хотел начать с истории, которую рассказал мне Алексей, знакомый врач из Москвы. Мы познакомились у него на даче, куда я приехал причастить его, умирающего от рака. Молодой еще, сорокалетний мужчина поразил меня глубиной исповеди, смирением и способностью во всем полагаться на волю Божию. Через месяц я снова приезжал его причащать, а потом увидел на службе, пусть и с палочкой в руках, но твердо стоящим на каменных плитах нашего храма. Алексей, преодолев болезнь, приступил к работе в клинике и периодически стал появляться у нас на службах. Со временем я узнал, что Алексей происходит из семьи коренных москвичей и что его мама еще девочкой была знакома с будущим владыкой Филаретом, митрополитом Минским, Патриаршим экзархом вся Беларуси. Оказывается, много-много лет назад, это еще в пятидесятые годы прошлого столетия, тогда еще студент Московской семинарии Кирилл Вахромеев познакомился с родной теткой Алексея, его же самого еще и на свете не было. Между двумя сестрами разница в возрасте

была очень значительная. Если старшая уже взрослая девушка планировала вступать в семейную жизнь, то младшая еще ходила в начальную школу. В памяти маленькой девочки запечатлелось, как семинарист Кирилл всякий раз, бывая в их доме, привозил для нее, младшей сестрички своей возлюбленной, очень вкусные конфетки, молочную помадку. И еще она рассказывала сыну о том, какая это была замечательная пара. Выходец из дворянской семьи, молодой человек имел вкус и умел красиво одеваться.

Тетке Кирилл очень нравился, но, когда он сделал ей официальное предложение, девушка ответила отказом. Она не смогла представить себя в роли матушки, жены священника. Дальше я могу только предполагать, но, видимо, после отказа любимой девушки будущий владыка и принял решение избрать путь монашества. Так наша Церковь приобрела в лице владыки Филарета одного из самых выдающихся епископов современности. Хотя, уверен, стань бы Кирилл Вахромеев приходским священником, присущие ему таланты проявились бы несомненно. Но это уже была бы другая история.

Тоже интересно, уже много лет спустя, когда епископ Филарет нес послушание в Москве, мама Алексея каким-то образом случайно пересеклась с владыкой. Тот узнал ее и пригласил к себе. И когда девушка вошла к нему в рабочий кабинет, он подал ей коробочку. Она открыла, там лежали ее любимые с детства конфетки — молочная помадка.

— Мама вспоминала, — рассказывал Алексей, — как, выйдя из здания и обернувшись, она поискала глазами окна кабинета владыки и увидела его. Он стоял на балкончике. Провожал ее взглядом, улыбался и махал рукой.